

Его пришествія. „*Не ваше дѣло,—говорить,—знать дни и времена* (Дѣян. 1, 7)⁴, но сокрылъ ихъ, дабы мы бодрствовали и каждый изъ насъ думалъ, что Онъ придетъ въ его время. Вѣдь, если бы открылъ то время, въ какое придетъ, то Его пришествіе сдѣлалось бы безразличнымъ (для насъ) и перестало бы составлять предметъ желанія народовъ и вѣковъ, среди которыхъ откроется. Сказалъ, что придетъ, но не сказалъ, когда придетъ, и такимъ образомъ все поколѣнія и вѣка горячо ожидаютъ Его. Пбо, хотя Господь опредѣлилъ знаменія пришествія Своего, однако предѣльный конецъ ихъ отнюдь ясно не усматривается, потому что эти знаменія въ многократной перемѣнѣ наступали и проходили, и даже доселѣ продолжаютъ. Вѣдь, послѣднее пришествіе Его подобно первому. Какъ (тогда) праведники и пророки ожидали Его, думая, что Онъ откроется въ дни ихъ, такъ также и нынѣ каждый вѣрующій желаетъ принять Его въ свое время, потому что Онъ не объявилъ дня пришествія Своего; и (сдѣлавъ) это главнымъ образомъ по той причинѣ, чтобы кто нибудь не счелъ подчиненнымъ предопредѣленію и часу Того, во власть и господство Коего отданы сроки и времена. И какимъ образомъ отъ Господа, Который Самъ указалъ имъ и знаменія пришествія Своего, могло быть сокрыто то, что Имъ же Самимъ установлено? Итакъ, поелику написано и то, что Онъ знаетъ (все) это, то почему то читаютъ, а это опускаютъ? Или, быть можетъ, Онъ зналъ время, но не зналъ мгновенія? Но вотъ время есть мгновеніе и мгновеніе время. „*Это,—говорить,—нынѣ костъ отъ костей моихъ* (Быт. 2, 33)⁴. Вѣдь, мгновеніе есть какъ бы движеніе ока. И „*въ то время,—говорить,—и въ то мгновеніе возрадовался Исусъ въ духъ Своемъ*

(Лук. 10, 21)⁴“, и: „*бодрствуйте и молитесь, ибо не знаете времени* (Мр. 13, 33)⁴“ и пр.

„*Для того никто не знаетъ, ни ангелы, ни Сынъ*“, — подобно слѣдующему: „*идите отъ Меня проклятые Отца Моего въ огонь вѣчный, ибо Я не знаю васъ* (Матѹ. 24, 41 и 7, 23)⁴“. И такъ, какъ знаетъ злыхъ, но по причинѣ дѣлъ ихъ говорить: „*не знаю васъ*“, такъ, хотя зналъ и о времени пришествія Своего, однако, дабы больше не спрашивали Его, сказалъ о немъ: „*не знаю его*“. Но вотъ мы спросимъ у тебя: знаетъ Сынъ Отца или нѣтъ? Конечно, знаетъ Его, ибо написано: „*никто не знаетъ Отца, кромѣ Сына, и Сына не знаетъ никто, кромѣ Отца* (Матѹ. 11, 27)⁴“. Какимъ же образомъ Онъ (можетъ) не знать времени пришествія Своего? Если знаетъ Отца, то, — спрашиваю, — что есть больше Отца, чего бы (Сынъ) не зналъ? Или гдѣ тѣ причины, по которымъ Отецъ скрылъ бы отъ Него время Его пришествія? Не для того-ли, чтобы чрезъ это Онъ оказался меньше Отца и обнаружилась бы Его природа? Если это такъ, то значить въ то мгновеніе, когда Ему откроется это время и труба зазвучитъ, дабы сошелъ съ неба, Онъ окажется такимъ же, какъ Отецъ. Далѣе, написано: „*Совѣтъ Божій — Христосъ, Которымъ открыты всѣ тайны премудрости и вѣдѣнія* (Кол. 2, 23)⁴“. Если чрезъ него открыты всѣ тайны, то какимъ образомъ время пришествія Своего могло остаться тайной для него Самого? И если Онъ не знаетъ того дня, когда придетъ, то не знаетъ также и тѣхъ дней, когда не приходитъ. И Духъ знаетъ то, что создано Имъ, какъ и они ¹⁾ утверждаютъ, поелику испытуетъ глубины Божіи; Сынъ же (неужели) не

¹⁾ Т. е. полагающіе, что Сыну неизвѣстно время Его пришествія.

знать этого? Они ¹⁾ спрашивали Его о времени (пришествія Его), и Онъ указываетъ день и называетъ его, говоря: „не знаю его“, во-первыхъ для того, чтобы удерживать ихъ отъ разспросовъ, и затѣмъ для того, чтобы данныя Имъ знаменія оказались полезными, подобно болѣзни для больного, потому что (послѣдній также) не знаетъ дни смерти. Итакъ, сими словами почтилъ знаменія Свои, дабы, начиная съ этого дня, всѣ поколѣнія и вѣка думали, что пришествіе Его совершится въ ихъ время.

Бодрствуйте, потому что, когда тѣло спитъ, естество властвуетъ надъ нами и дѣйствіе совершается въ насъ не по нашей волѣ, но насильно, по влеченію естества. И когда душой овладѣваетъ тяжкій сонъ, какъ-то, малодушіе или печаль, то врагъ властвуетъ надъ нею и чрезъ нее дѣлаетъ то, чего она не хочетъ. Естествомъ управляетъ сила, душой же врагъ. Итакъ, ту бодрственность, какую заповѣдалъ Господь, Онъ предписалъ той и другой части человека: тѣлу, дабы оно (удалялось) отъ сонливости, и душѣ, чтобы она оберегала себя отъ безчувственности и робости, какъ и говорить: „отрезвитесь по правдѣ (I Кор. 15, 34)“, и: „Я пробудился и есмь съ тобою (Ис. 138, 18)“, и еще: „не будьте лѣнны (ср. Сим. 12, 11)“, и посему будемъ избѣгать лѣнны вѣ исполненіи того дѣла, какое имѣемъ.

„*Будутъ двое на полѣ, на одномъ ложь* (Матѣ. 24, 40)“, потому что при опустошеніи Иерусалима это мгновенно обрушится на нихъ, подобно слѣдующему: ²⁾ „если тамъ найдется десять мужей (Быг. 18, 32)“. „*Орлами* (Матѣ. 24, 28)“ - же Господь назвалъ непріятелей, кои придутъ противъ этого го-

1) Т. е. ученики.

2) Т. е. подобно тому, какъ было при гибели Содома и Гоморры.

рода, который (обозначается подъ именемъ) трупа, какъ и говорится: „*кони его быстрое орловъ* (Иер. 4, 13)“. Пные изъясняютъ это о тѣлѣ и душѣ. Еще понимаютъ это (мѣсто) о концѣ міра, когда страхъ и трепетъ нападеть на всѣхъ людей, дабы приготовились, какъ и говоритъ: „*да будутъ чресла ваши препоясаны* (Лук. 12, 35)“. Или это относится къ праведнику и грѣшнику, изъ коихъ ни тотъ, ни другой не могли сдѣлаться свободными. Мельницей (Матѣ. 24, 41) назвалъ міръ, орлами же по быстротѣ ихъ крыльевъ, наименовалъ праведниковъ. „*Кто будетъ управитель, вѣрный рабъ, благодѣтельный и мудрый* (Матѣ. 24, 45)?“ Хотя все это Господь засвидѣтельствовалъ о немъ ¹⁾, однако, если окажется невѣрнымъ въ томъ, что поручено ему, то „*разсѣчетъ его пополамъ, и отдѣлитъ его, и подвергнетъ его одной участи съ лицемерами и невѣрными, и тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Матѣ. 24, 51)“.

„*Пять изъ нихъ было неразумныхъ и пять мудрыхъ* (Матѣ. 25, 1—14)“. Но мудростью назвалъ не дѣвство ихъ, потому что всѣ онѣ были дѣвами, а добрыя дѣла ихъ назвалъ мудростью. Вѣдь, если дѣвство твое равно святости ангеловъ, то замѣть и разсуди, что святость ангеловъ чиста отъ зависти и другихъ пороковъ. Какъ побѣдилъ ты блудъ, такъ берегись чтобы не побѣдили тебя рокогъ и гнѣвъ.

Также кто не возвратилъ своихъ талантовъ съ приростомъ (Матѣ. 25, 15—30), отъ того, какъ отъ земли безплодной, отнять и даръ плодовъ. Землю, о которой сказалъ: „*скрылъ его* (Матѣ. 25, 18)“, сравнилъ съ той землей, которая не дала плодовъ. „*Возьмите у него талантъ* (Матѣ. 25, 28)“, то есть,

¹⁾ Смыслъ рѣчи такой: хотя рабъ, по свидѣтельству Господа, и былъ вѣрнымъ, благодѣтельнымъ и мудрымъ, однако и т. д.

вѣру, поелику онъ не снискалъ себѣ вѣрою праведной жизни. Господь показалъ порицаніе не на томъ, который получилъ пять талантовъ, дабы не сказали: возложилъ на насъ бремя выше силъ нашихъ. Того отмѣгилъ, который получилъ одинъ талантъ, чтобы тѣмъ, кто получилъ пять талантовъ, былъ обличенъ тотъ, который получилъ одинъ талантъ. *„Да будутъ чресла вами препоясаны (Лук. 12, 35)“*, то есть, да будутъ приготовлены чрезъ воздержаніе. *„И свѣтильники ваши горящи“*, поелику именно сей міръ есть какъ бы ночь и нуждается въ свѣтѣ праведниковъ, какъ и говоритъ (Господь въ другомъ мѣстѣ): *„да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего, который на небесахъ (Матѣ. 5, 16)“*.

Руки мудрыя въ своей сладости смирили себя, чтобы умыть ноги предателя своего, который за умовеніе воздалъ имъ гвоздями креста. И Творецъ всего даже до того смирилъ Себя, что умылъ ничтожныя ноги, и все-таки, не смотря на это, былъ ненавидимъ фарисеями и священники преслѣдовали Его. Какъ все чрезъ Него было устроено, когда начало быть, поелику Онъ былъ посредникомъ (творенія), такъ произрасло и спасеніе всего, которое совершилось чрезъ Него, потому что оно (все созданное) уже по первому наслѣдству принадлежало Ему. И поелику творенія были унижены и подпали власти проклятій, то Господь Самъ умалилъ Себя предъ ними, дабы всѣхъ ихъ возвыситъ и вознести, какъ тотъ, кто первый унижилъ ихъ, вторгся къ нимъ посредствомъ своего совѣта подъ видомъ попеченія о нихъ и какъ руководитель. Такимъ образомъ гордость и дерзость подлинно ничего не могутъ произвести, если не дѣйствуютъ насиліемъ. Всѣ блага

заклучены въ любви и всѣ вмѣстѣ (въ ней) содержатся и стражемъ сокровищницы ихъ является любовь.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

„Одинъ изъ васъ, который ѣстъ со Мною хлѣбъ, онъ предастъ Меня, и вотъ рука предателя Моего со Мною за столомъ. и Сынъ человѣческій идетъ, какъ написано о Немъ (Лк. 23, 21, 22)“. Такими словами съ милосердіемъ оплакивалъ сего нечестиваго губителя. „Лучше было бы ему не родиться (Мѡ. 26. 24)“. Но если Господь хотѣлъ взойти на крестъ, то къ чему мы отнесемъ это (Его) изреченіе, къ предвѣдѣнію-ли (Его), къ невѣдѣнію-ли, или къ коварству, поелику сказалъ: „лучше было бы ему не родиться“? Что (могло) препятствовать тому, чтобы раскаяніе (предателя) удостоилось принятія ¹⁾?

Если таковы твои насмѣшки и твои издѣвательства, то возьми себѣ примѣромъ змѣя и не порицай и не обвиняй меня, то есть, меня за Учителя моего. Ибо если Адамъ самъ хотѣлъ преступить заповѣдь, то какую похвальбу ты усмотришь въ богохульствахъ того, кто наполнилъ уста змѣя прахомъ и укоротилъ его и лишилъ способности ходить ²⁾? Если же Адамъ не могъ преступить (заповѣди) безъ соблазнителя, то наказаніе справедливо пало на го-

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ Св. Ефремъ имѣетъ въ виду возраженіе какого-то еретика, быть можетъ, Маркіона, усматривавшаго въ словахъ Господа противорѣчіе Себѣ: если Господь хотѣлъ взойти на крестъ, то какъ Онъ могъ сказать, что лучше было-бы не родиться предателю, безъ котораго Онъ не взшелъ бы на крестъ? Съ другой стороны, развѣ предатель не могъ раскаяться?

²⁾ Ср. голк. Св. Ефрема на книгу Бытія 3, 15. Смысль этихъ словъ такой: если Адамъ согрѣшилъ бы самъ по себѣ, безъ искушенія отъ діавола, то чѣмъ бы могъ похвалиться сатана, который наполнилъ прахомъ уста змѣя и лишилъ его ногъ?

лову змѣя. И хотя мы соглашаемся, что Адамъ былъ подготовленъ ко грѣху тѣмъ, кто былъ причиной грѣха, однако и Адамъ по справедливости понесъ наказаніе, поелику прежде уступилъ этому подготовленію. Даже хотя бы змѣй и не доставилъ повода (ко грѣху), все-таки Адамъ, по причинѣ этой, оказавшейся въ немъ при искушеніи слабости, впалъ бы въ другія преступленія, не подвергаясь этому искушенію. Такимъ образомъ, и Тотъ, Кто нзошелъ на крестъ, быть можетъ, хотѣлъ взойти на крестъ помимо сей случайной причины ¹⁾, хотя это и не вѣроятно, такъ какъ Писаніе евреевъ и многое другое не позволяютъ намъ вѣрить этому.

Любовь открыла тайну и сообщила (ее) страху ²⁾, поелику, пока любовь возлежала на груди Господа, страхъ часто кивалъ ей головою.

Какъ истинно и вѣрно то, что Господь, раздавая хлѣбъ Своимъ ученикамъ, далъ имъ таинство тѣла Своего, такъ должно вѣрить также и въ то, что хлѣбъ, данный Господомъ убійцѣ Своему, данъ былъ въ таинство умерщвленія тѣла Своего. И обмакнулъ его (Іоан. 13, 26), чтобы такимъ образомъ назнаменовать участничество (Іуды) въ вполне уже рѣшенномъ убійствѣ Его, въ которомъ тѣло омочено было кровью Его. Или для того омочилъ хлѣбъ, чтобы вмѣстѣ съ хлѣбомъ не дать также и завѣта. Сначала омылъ хлѣбъ и тогда далъ ему его. Омытъ былъ отъ этого хлѣба прежній завѣтъ, поелику онъ приготовленъ былъ новымъ завѣтомъ. Любостяжаніе отдѣлило Іуду отъ совершенныхъ членовъ Господа, какъ и Спаситель кротко научилъ, что онъ (Іуда) не отъ тѣла церкви Его, но прахъ, приставшій къ

¹⁾ Т. е. помимо предательства Іуды.

²⁾ Т. е. Іоаннъ открылъ Петру. Ср. Іоан. 13, 21—26.

ногамъ учениковъ Его. Посему и въ ту ночь, когда отдѣлялъ его отъ нихъ, омылъ нечистоту, приставшую къ ногамъ ихъ, дабы научить насъ, что Іуда, который, какъ послѣдній изъ двѣнадцати Апостоловъ, оказывался какъ бы ногами тѣла, былъ омытъ Имъ водою отъ ногъ Апостоловъ, какъ грязь, предназначенная огню. Такимъ же образомъ Господь посредствомъ воды отдѣлилъ Іуду отъ учениковъ, когда давалъ ему хлѣбъ, обмоченный водою, потому что онъ недостойнъ былъ того хлѣба, который вмѣстѣ съ виномъ раздавался двѣнадцати Апостоламъ. Ибо тому, кто предавалъ Его на смерть, неприлично было посредствомъ хлѣба принять (въ себя) Того, Кто спасаетъ отъ смерти.

Съ того времени, какъ преломилъ тѣло Свое ученикамъ Своимъ и далъ тѣло Свое Апостоламъ, считаются тѣ три дня Его, въ теченіе коихъ Онъ сопричислялся къ мертвымъ, какъ и Адамъ, который по вкушеніи отъ дерева жилъ многіе годы, хотя по причинѣ преступленія заповѣди причислялся къ мертвымъ, поелику Богъ сказалъ такъ: „въ день, въ который ты вкусишь, умрешь (Быт. 2, 17)“; и какъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: „четыреста лѣтъ будетъ сѣмя твое въ Египтѣ (Быт. 15, 13)“, потому что годы эти исчислены съ того дня, когда сказано это слово. Тоже должно сказать и о Господѣ. Или шестой день ¹⁾ считается за два дня, а суббота за одинъ. Давши тѣло Свое на съѣденіе имъ въ таинство смерти Своей, Онъ вошелъ въ чрево ихъ, какъ потомъ (вошелъ) въ землю. И такъ какъ Адамъ не благословилъ, когда въ непослушаніи срывалъ плодъ, то „Господь благословилъ и преломилъ (Мѡ. 26, 26)“. И

¹⁾ Т. е. пятница.

хлѣбъ вошелъ ¹⁾ и изгладилъ осужденіе похоти, по которой Адамъ преступилъ заповѣдь Божию. Или три дня считаются отъ нисхожденія до восхожденія ²⁾, то есть, пятница, суббота и воскресеніе.

И сказалъ: „отселъ не буду пить отъ сего плода винограднаго до царства Отца Моего (Лк. 22, 18)“, дабы показать, что близко то время, когда Онъ долженъ будетъ уйти отъ нихъ. „До царства Отца Моего“, то есть, до воскресенія Моего. Сему научаетъ Симонъ въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, говоря: „послѣ воскресенія въ теченіе сорока дней мы ѣли съ Нимъ и пили (Дѣян 10, 41)“, именно въ первый день недѣли, какъ и тамъ: „не вкусятъ смерти, пока не увидятъ царствїя Божїя (Мѡ. 16, 28)“, что случилось спустя шесть дней (ср. Мѡ. 17, 1).

„Вотъ, сатана получилъ позволеніе съять вась, какъ пшеницу, и Я умолилъ Отца за тебя, дабы не оскудѣла вѣра твоя (Лк. 22, 31, 32)“. Не сказалъ: умолилъ за тебя, чтобы ты не подвергался искушенію, но чтобы не оскудѣла вѣра твоя.

„Покажи намъ Отца и довольно намъ (Іоан. 14, 8)“. Филиппъ хотѣлъ видѣть Отца тѣлесно, то есть, тѣлесными очами, какъ прежніе праведники, которые видѣли ангеловъ и архангеловъ. Посему Господь далъ ему отвѣтъ о видѣнїи Божества, которое воспринимается очами ума, ибо не сказалъ ему: „вы не видѣли“, поелику Самъ открылся ему во внѣшнемъ видѣ, но говоритъ: „не познали Меня (Іоан. 14, 9)“, потому что величіе его было сокрыто, то есть, если бы познали Меня, поелику Я не явенъ. то увидѣли бы и Отца Моего, Который не открывается (во внѣ). И Апостоль, говоря о Господѣ,

1) Ср. Римл 5, 12: грѣхъ вошелъ въ міръ.

2) Т е отъ погребенія до воскресенія изъ мертвыхъ.

свидѣтельствуегъ: „Онъ есть образъ вида Бога невидимаго (Кол. 1, 15)“ и пр.

„Върующій въ Меня дѣла, которыя Я творю, и онъ сотворитъ (Іоан. 14, 12)“. Гдѣ же то (сказанное): „ученикъ не бываетъ больше учителя (Лк. 6, 40)“? Но вотъ Моисей погубилъ только трехъ царей, а Іисусъ тридцать, и тотъ не вступилъ въ землю обѣтованную, хотя смиренно просилъ (объ этомъ), а Іисусъ вступилъ и раздѣлилъ наслѣдіе. Самуилъ былъ больше всѣхъ своихъ современниковъ. Елисей принялъ двойную (силу) учителя своего послѣ отшествія его, и сіе случилось въ подобіе Господа Спасителя нашего, ученики Котораго посредствомъ знаменій своихъ сотворили вдвое больше.

Во всѣхъ людяхъ врагъ имѣлъ свою часть; только не имѣлъ (ее) въ Господѣ, Который сказалъ: „у Меня не найдетъ ничего своего, и Я побѣдилъ міръ (Іоан. 14, 30)“. Но въ дарѣ суда, какой получилъ Господь, участвуютъ также и ученики. Пбо сказалъ, что они будутъ судить (Лк. 22, 30), дабы показать, что не только Богъ побѣдилъ и судить, но и люди побѣдили и судятъ тѣхъ, кои не могли побѣдить подобно имъ, но отступили: „мужи праведные,—говорить,—будутъ судить ихъ (Іез. 23, 45)“.

„У кого итъгъ меча своего, пустьъ купитъ себѣ мечъ (Лк. 22, 36)“,—сіе сказалъ, дабы научить смиренію. Вотъ, одинъ изъ такихъ мечей имѣлъ Симонъ, дабы, когда онъ хотѣлъ показать мечемъ ревность свою, Господь научилъ его словамъ Писанія: „кто ударяетъ тебя въ щеку (Мѡ. 5, 39)“. Пбо Симонъ въ любви своей забылъ эти слова. Или сказалъ это съ цѣлію показать ему, что не только тогда, когда у насъ нѣтъ подобнаго рода вещей или когда не можемъ имѣть (ихъ). мы должны воздерживаться отъ

нихъ, но еще менѣе должны пользоваться ими и тогда, когда имѣемъ ихъ и они готовы, какъ мечъ, находящійся въ твоей рукѣ. И дабы ясно было, что ради увѣщанія, а не по причинѣ войны завелъ рѣчь о мечахъ, (для сего) прибавилъ: „*довольно двухъ* (Лк. 22, 36)“. Вѣдь если бы говорилъ то о борьбѣ, то всѣмъ надлежало бы взять оружіе. Сказалъ (же) это потому, что среди Іудеевъ были такіе, которые жаждали меча и крови подобно двоимъ изъ нихъ ¹⁾. Видя, что въ нихъ скрывается гнѣвъ отцовъ, Онъ воспользовался случаемъ, чтобы тайный гнѣвъ ихъ сдѣлать явнымъ и гнуснымъ для нихъ и изгнать (его) изъ сердца ихъ.

Поелику дни дѣланія Его въ Іудеѣ окончились, то Онъ обратился, чтобы идти въ Іерусалимъ, и тѣхъ двухъ гнѣвливыхъ отвергъ отъ Себя, какъ и Іудѣ Искаріоту сказалъ въ предупрежденіе: „*горе человеку тому* (Мр. 14, 21)“. Вѣдь, если бы онъ покался, какъ Симонъ Петръ и принялъ увѣщаніе, какъ тѣ двое, то, освободившись отъ этого проклятія, унаслѣдовалъ бы мѣсто и престолъ свой. Затѣмъ, изъ того, что Господь упомянулъ мечи, пусть они уразумѣютъ, что Онъ знаетъ день и часъ, когда будетъ преданъ, и пусть друзья Его научатся смиренію, а враги (познаютъ свое) насиліе ²⁾.

„*Сія есть заповѣдь Моя* (Іоан. 15, 12)“. Ужели одна только заповѣдь? Достаточно ее, и только ее одной, потому что она великаго значенія. Хотя она одна, но говоритъ и „не убивай“, потому что кто любить, тотъ не убиваетъ: сказала и „не воруй“.

¹⁾ Т. е. Іакову и Іоанну, см. Лк. 9, 54

²⁾ Т. е. примѣромъ Христа, добровольно предающаго Себя смерти, пусть друзья Его научатся подражать Его смиренію, а враги будутъ уличены въ своей жестокости.

ибо тотъ, кто любитъ, отдаетъ даже свое; сказала и „не обманывай“, потому что любящій говоритъ истину вмѣсто лжи. „*Нѣкую новую заповѣдь*,—говоритъ,—*даю вамъ* (Іоан. 13, 34)“. А если ты не понимаешь словъ: „*сія есть заповѣдь Моя*“, то призови Апостола, который разъяснитъ тебѣ ихъ, говоря: „*цѣль заповѣди сей есть любовь* (1 Тим. 1, 5)“. А какой смыслъ этой заповѣди? Безъ сомнѣнія такой: „*во всемъ какъ хотите вы, чтобы съ вами поступали сыны человѣческіе, такъ поступайте и вы сами* (Мф. 7, 12).

„*Любите*,—говоритъ,—*другъ друга* и такую мѣру положите: „*какъ Я возлюбилъ васъ*“. Но это невозможно, потому что Ты—Господь и любишь рабовъ Своихъ, мы же, будучи товарищами другъ другу, какимъ образомъ возможемъ такъ любить другъ друга, какъ Ты любишь насъ? Поелику, однако, такъ сказалъ Господь, то посмотримъ, какъ это происходитъ „*Никто*,—говоритъ,—*не можетъ имѣть больше такой любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Іоан. 15, 13)“. Любовь Его изъ того усматривается, что назвалъ насъ друзьями. Но если мы полагаемъ души свои за Тебя, то развѣ любовь наша становится равной Твоей любви? Если мы и умираемъ за Тебя, то мы смертны, Ты же, будучи (вѣчно) живой, принялъ на Себя страсть нашей смерти. Итакъ, какимъ же образомъ истолковать эту (заповѣдь): „*какъ Я возлюбилъ васъ*“? Умремъ,—говоритъ,—одинъ за другаго. Но мы, конечно, не пожелаемъ и жить одинъ вмѣсто другаго. Если,—говоритъ,—Я, вашъ Господь и Богъ, умираю за васъ, то тѣмъ болѣе должно вамъ умирать одному за другаго.

„*Вотъ, Я посылаю вамъ утѣшителя* (Іоан. 15, 26)“,

ибо говорить: „*много Параклита посылаю вамъ*“ (Иоан. 14, 16)“, то есть, Утѣшителя. Какъ Самъ Онъ Богъ, такъ Богъ и Тотъ, Кто посылается. Если бы Онъ былъ больше Духа потому, что посылаетъ Его, то также и Духъ былъ бы больше Его, потому что отвелъ Его въ пустыню на искушеніе (Мѡ. 4, 1). И какимъ образомъ сказалъ: „*хорошо для васъ, если Я пойду, потому что если Я не уйду, то Утѣшитель не придетъ къ вамъ и не откроетъ вамъ всякой истины*“ (Иоан. 16, 7, 13)“? Какимъ образомъ оказалось благомъ то, что Господь ушелъ и, послѣдуя Онъ не могъ показать всей истины, пришелъ рабъ ¹⁾, дабы дать то, чего не далъ Господь? И почему первый Утѣшитель ²⁾ не раскрылъ всей истины, а второй ³⁾ раскрылъ намъ ее по слову первого, поелику Сей ⁴⁾ есть вся истина? А что Духъ названъ Господомъ, о томъ свидѣтельствуется Писаніе въ слѣдующихъ словахъ: „*получилъ Симеонъ повелѣніе отъ Духа Святаго, что онъ не вкуситъ смерти, пока не увидитъ Господа Христа, и когда взялъ Господа на руки свои, сказалъ: нынѣ отпускаешь. Господи, раба Твоего по слову Твоему въ миръ* (Лк. 2, 26, 28, 29)“. И такъ, отъ Духа Святаго получилъ повелѣніе и сказалъ: *Ты, Господи, отпускаешь раба Твоего*“, какъ и тамъ: „*пока не увидишь Господа Христа*“.

„И никто, — говоритъ, — не знаетъ того, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человеческого, находящагося въ немъ; такъ и Божіа никто не знаетъ, кромѣ Духа Божіа (1 Кор. 2, 11)“. Не такъ, чтобы Духъ Его былъ твореніемъ Его, но чрезъ это (мѣсто) Писаніе на-

1) Т. е. Духъ Святой, котораго еретики называютъ твореніемъ.

2) Т. е. Христосъ.

3) Т. е. Духъ Святой.

4) Т. е. Христосъ.

учаетъ насъ, что духъ нашъ не есть что-либо чуждое нашей природѣ. *„Кромѣ Духа,—говорить,—который изъ него, такъ и Бога никто не знаетъ, кромѣ Духа Его, и Онъ испытываетъ глубины Его“*. Если скажутъ, что Духъ испытываетъ для (собственнаго) наученія, то пусть разсудятъ, что тотъ, кого кто-либо испытываетъ, меньше того, кто испытываетъ. Когда говорилъ: *„идите во всю землю и крестите ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мѡ. 28, 19)“*, то не сказалъ: во имя Отца, во имя Сына и во имя Духа“, дабы показать, что они одной природы, такъ какъ однимъ именемъ наименовалъ три лица. *„Вы,—говорить,—храмъ Божій и Духъ Божій обитаетъ въ васъ (1 Кор. 3, 16)“*. Если мы храмъ, то какимъ образомъ являемся обителью Духа? Это разъясняетъ слѣдующее изреченіе: *„вы — храмъ Духа Святаго, который обитаетъ въ васъ (ер. 1 Кор. 6, 19)“*. И въ Дѣянїяхъ Апостоловъ говоритъ: *„потому что вы хотѣли искушать духа Господня (Дѣян. 5, 9)“* и: *„ты смѣлалъ не человѣкамъ, а Богу (Дѣян. 5, 4)“*. Итакъ, Духъ есть Богъ, поелику Онъ отъ Бога. Конечно, имя Бога примѣняется также и къ людямъ, нѣкоторые изъ коихъ названы богами, какъ и мы по благодати получаемъ и имя Отца и имя Сына. Имя Бога примѣняется къ человѣку, какъ (напр.) Моисей называется богомъ фараона (Исх. 7, 1). Но Духомъ живымъ Моисей нигдѣ не названъ. Писаніе не говоритъ о Евѣ, чтобы она была сестрой Адама или дочерью его, но что она изъ него. Такъ и о Духѣ Святомъ должно говорить не то, что Онъ сынъ или сестра, но что Онъ изъ Него и единосущенъ Ему. А если тотъ, кто испытуетъ, меньше того, кого испытуетъ, то вотъ написано: *„испытующій сердца знаетъ, кака я мысль у духа (Рим. 8, 27)“*. Если такъ,

то неужели Богъ, испытующій Духа, меньше, чѣмъ Духъ ¹⁾.

„*О судъ же, потому что князь міра сего осужденъ* (Іоан. 16, 11), то есть, не потому, что сатана во второй разъ принимаетъ кару своего осужденія, (но) такъ какъ отселъ онъ осужденъ на вѣчно.

„*Дай Мнѣ славу Твою отъ той, какую далъ Мнѣ прежде бытія міра* (Іоан. 17, 1)“, — въ то время, когда Отецъ все создалъ чрезъ Сына, какъ изъясняетъ псаломъ: „*славою и величіемъ облекся* (Пс. 103, 1)“, и затѣмъ изъ ничего извелъ творенія и устроилъ (ихъ) безъ порока. „*Господи Боже, — говоритъ (псалмопѣвецъ), — Ты содѣлался дивно великъ, славою и великолѣпіемъ облекся и одѣтъ свѣтомъ какъ ризою, простеръ небо, какъ шатеръ* (Пс. 103, 1—2)“ и пр. По велику же вслѣдствіе гибели Адама твари облечлись униженіемъ его, по свидѣтельству Апостола: „*тварь покорилась суети* (Рим. 8, 20)“, то Сынъ Творца пришелъ для спасенія ихъ, дабы въ пришествіи Своемъ уничтожить недостатки ихъ крещеніемъ смерти, какъ и Самъ сказалъ: „*приходитъ и насталъ часъ: прославь Сына Твоего и Сынъ Твой прославитъ Тебя* (Іоан. 17, 1)“. Сего просилъ, не какъ нуждающійся въ полученіи этого, но имѣя въ виду привести въ совершенство первоначальный строй творенія. потребовалъ славы, коею былъ облеченъ въ то время, когда тварь облекалась славою. Ибо какъ первый (творенія) по благодати устроилъ такъ, чтобы они были безъ недостатковъ въ славѣ и великолѣпніи.

¹⁾ Въ семь мѣсяцъ св. толкователь опровергаетъ тѣхъ еретиковъ, которые говорили, что Духъ испытуетъ Бога для собственнаго наученія, и что тотъ, кто испытуетъ, меньше испытуемаго. На основаніи Рим. 8, 27 св. отецъ показываетъ, что испытующій не долженъ быть необходимо меньше испытуемаго, ибо Богъ испытуетъ мысли духа человѣческаго, неужели-же Богъ меньше духа человѣческаго?

коими былъ облеченъ Самъ, такъ пусть будетъ и послѣднее ихъ устроеніе по милосердію безъ порока въ славѣ, какою облакался. Итакъ, это именно обозначилъ, говоря: „дай Мнѣ“, именно, то, что имѣлъ прежде творенія съ Отцомъ и у Отца, поелику и Писаніе утверждаетъ такъ и ясно говоритъ: „прославъ Меня той славой, которую Я имѣлъ у Тебя прежде творенія міра“. Но и посредствомъ словъ: „прославъ Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя“ обозначилъ не Свою нужду, но нуждающуюся свободную волю. Итакъ Отецъ не принимаетъ славы отъ Сына, какъ нуждающійся (въ ней) и если Сынъ прославляется Отцемъ, то отнюдь не нуждается въ этой славѣ.

„Печальна душа Моя (Мѡ. 26, 38)“. Не постыдился сказать сіе, потому, что былъ истинный человѣкъ, а не чуждое что-либо (человѣку) скрывалъ подъ видомъ одѣянія Своего, и сіе сказалъ, дабы показать, что облекся немощною плотью и соединился съ душой, которая можетъ страдать. Итакъ, сказалъ то, что истинно, дабы не подвергалось извращенію, и скрылъ¹⁾, дабы не было похищено воровски; научилъ вѣрныхъ не тщеславиться своимъ поведеніемъ, и (такъ какъ) это значитъ отвергать истину. И еще также говоритъ: „кто отречется отъ Меня и Я отрекусь отъ него (Мѡ. 10, 33)“, и въ этомъ—страхъ и трепетъ для невѣрныхъ. Итакъ, по силѣ одной (заповѣди) мы исповѣдуемъ, дабы заблужденіе не отторгло насъ отъ любви Его, а по силѣ другой не исповѣдуемъ, чтобы гордость не лишила насъ плода блага Его.

„Если возможно, да минуешь Меня чаша сія“ (Мѡ. 26, 39)“. Кто зналъ, что ученики соблазняются, Си-

1) По другому чтенію: „не скрылъ“. Какое чтеніе правильнѣе, рѣшить это трудно, такъ какъ смыслъ всего этого мѣсто крайне теменъ

монъ отвѣгнется, Іуда повѣсится и городъ Іерусалимъ будетъ разрушенъ и народъ разсѣянъ, Тотъ не могъ не знать, что по истеченіи трехъ дней чаша (сія) минуетъ (Его). „Если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“. Такъ говоритъ Тотъ, Кю Симону, когда онъ хотѣлъ поправить Его ¹⁾, сказалъ: „отойди отъ Меня сатана, потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое (Мѡ. 16, 23)“. Почему теперь Господь Самъ оставилъ то, что Божіе, и помыслилъ о томъ, что человѣческое? Зачѣмъ же Ты разгнѣвался на Симона, когда онъ сказалъ: „да не будетъ этого съ Тобой, Господи (Мѡ. 16, 22)“. „Если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“. То, что сказалъ только Отцу, зналъ, зналъ и то, что чаша можетъ миновать, однако для той цѣли и пришелъ, чтобы пить ее за всѣхъ и посредствомъ этой чаши уплатить долги всѣхъ, коихъ уплатить не могли своею смертию пророки и спасатели.

„Отче, да минуетъ Меня чаша сія“. Кю смерть Свою описалъ чрезъ пророковъ Своихъ и таинство смерти Своей прообразовалъ на праведникахъ Своихъ, Тотъ, когда настало время Самому подпасть смерти, не (могъ), конечно, отвергнуть смерть и отказаться пить чашу ея. Вѣдь, если бы не хотѣлъ пить ее и имѣлъ желаніе отвергнуть ее, то не сравнилъ бы тѣло Свое съ храмомъ, говоря: *разрушьте сей храмъ, и Я въ третій день воздвигну Его* (Іоан. 2, 19)“, и не сказалъ бы сыновьямъ Заведеевымъ: „можете-ли пить чашу, которую Я буду пить (Мѡ. 20, 22)“, и въ другомъ мѣстѣ: „предстоитъ Мнѣ крещеніе, которымъ Я долженъ креститься (Лк. 12, 50)“, и: „какъ Моисей вознесъ змія въ пустынь, такъ вознесенъ будетъ Сынъ человѣческій (Іоан. 3, 14)“, и: „какъ Іона былъ

¹⁾ Ср. выше толк на Мѡ. 16, 22—23. стр. 199, 200.

во чревь кита, такъ Сынъ человѣческой будетъ въ сердцѣ земли (Мѡ. 12, 40)⁴, и: „должно Ему умереть и воскреснуть (Лк. 9, 22)⁴, и: „сильно желалъ Я псть эту пашу съ вами прежде Моего страданія (Лк. 22, 15)⁴, и: „Сынъ человѣческой идетъ, какъ написано о Немъ (Мѡ. 26, 24)⁴. Даже и вечеромъ той ночи, когда предалъ Себя, раздѣлилъ тѣло Свое Апостоламъ Своимъ и кровь Свою роздалъ ученикамъ Своимъ и далъ имъ заповѣдь творить сіе въ воспоминаніе Его страданія. Тотъ, Кто ученикамъ Своимъ заповѣдалъ не бояться смерти, говоря: „не бойтесь убивающихъ тѣло (Мѡ. 10, 28)⁴, какимъ образомъ Онъ Самъ убоился смерти и просилъ, дабы миновала Его чаша сія? Кто добровольно подъялъ число мѣсяцевъ въ утробѣ и число годовъ на землѣ, ужели Онъ хотѣлъ, чтобы миновала Его чаша и все Его явленіе сдѣлалось тщетнымъ, въ то время, когда дни, мѣсяцы и годы прошли и оставалось только нѣсколько часовъ? Когда былъ въ Іерусалимѣ и провозглашалъ Свое увѣщаніе, то, желая показать величіе даровъ Своей милости, сказалъ: „если бы въ Содомъ явлены были тѣ силы, которыя явлены въ тебѣ, то и доселѣ оставался бы онъ мѣстомъ обитанія (Мѡ. 11, 23)⁴. Однако, Содомъ былъ разрушенъ, хотя и могъ бы сохраниться въ случаѣ пришествія Его. Кто, не смотря на это, не отмѣнилъ времени явленія Своего, какимъ образомъ въ то время, когда пришелъ, Самъ восхотѣлъ отвергнуть дары, вытекающіе изъ страданія Его, которые если бы даны были во дни Лота, то Содомъ и сосѣдніе города, какъ Самъ Онъ сказалъ, доселѣ еще процвѣтали-бы? И если хотѣлъ отказать отъ чаши ради народа Своего, дабы онъ не погибъ при (второмъ) Его пришествіи ¹⁾, то Онъ

1) Г. е. какъ виновникъ смерти Его

долженъ былъ погубить и какой-угодно (другой) народъ, къ которому пришелъ бы, поелику и этотъ народъ долженъ былъ бы предать Его на смерть креста. Но такъ какъ они (іудеи) не вняли Его знаменіямъ и чудесамъ, то погибли отнюдь не вслѣдствіе распятія Его, потому что погибли еще прежде, чѣмъ Онъ былъ убитъ, поелику не повѣрили знаменіямъ Его.

„Если возможно, да минуетъ Меня чаша сія“. Сказалъ это по причинѣ немощи, коею былъ облеченъ, потому что не въ ложномъ видѣ, но по истинѣ былъ облеченъ ею. А если по истинѣ былъ немощенъ и облеченъ немощью, то и невозможно было, чтобы немощь не боялась и не смущалась. Поелику принялъ плоть и облекся немощью, то въ голодѣ подкрѣплялся хлѣбомъ, въ трудѣ утомлялся и во снѣ казался безсильнымъ, и когда пришло время смерти Его, надлежало, чтобы и тогда также воздѣйствовало то, что свойственно плоти; вѣдь, и смущеніе предстоящей смертью напало на Него для того, чтобы явно сдѣлалась Его природа, именно, что Онъ былъ сыномъ того Адама, надъ которымъ, какъ говоритъ Апостоль, царствовала смерть (Рим. 5, 15). „И сказалъ ученикамъ Своимъ: бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе. Духъ сей,—говоритъ,—бодръ и готовъ, плоть же сія немощна (Мѡ. 26, 41)“. А если у васъ, когда вы боитесь, боится не духъ вашъ, но немощь плоти вашей, то какимъ бы образомъ Я убоялся смерти, если не для того, чтобы показать вамъ страхъ смерти, которымъ поражается плоть, коею Я облеченъ?

Ибо если Симонъ, котораго одна служанка привела въ страхъ (Мѡ. 26, 69), не убоялся всѣхъ римлянъ, но съ твердымъ духомъ заклиналъ ихъ, чтобы

распяли его головою, обращенной къ землѣ, и если Апостоль, зная, что онъ умретъ не естественной смертью, сказалъ: „уже конца желаню и время упокоенія моего настаетъ для меня (2 Тим. 4, 6)“, то какимъ образомъ Господь, помощію Котораго Апостолы презрѣли смерть свою по слову Его: „не бойтесь тѣлѣ, кто убиваетъ тѣло, души же не можетъ убить (Мѡ. 10, 28)“, какимъ образомъ, говорю, Онъ Самъ могъ убоиться смерти? Вѣдь, оказался бы (къ тому же) и несвоевременнымъ въ страхѣ, какой приписывался Ему. Если боялся, то долженъ былъ бояться въ тотъ часъ, когда былъ взятъ, а не въ другое время; но тогда Онъ исцѣплялъ ухо убійцы (Лк. 28, 51). Повелѣлъ взять мечъ, а когда явилась нужда въ мечѣ, сказалъ: „возврати мечъ твой въ прежнее мѣсто его (Мѡ. 26, 52)“.

Или ¹⁾ такъ какъ чрезъ Сына уничтожались долги, какіе были сдѣланы, и (чрезъ Него) совершалось обращеніе народовъ, то Сынъ не хотѣлъ усвоить Себѣ ту благодать, которая была прежде міра. Какъ въ началѣ (бытія міра), хотя все было создано чрезъ Него, однако прошелъ это молчаніемъ и устами Моисея указалъ другаго дѣятеля, говоря: „и увидѣлъ Богъ все, что создалъ, и вотъ хорошо весьма (Быт. 1, 31)“, и сказалъ это для того, чтобы всѣ творенія оказались должниками предъ Отцомъ Его; такъ и въ часъ обновленія ихъ отречея чрезъ смерть отъ всего и сказалъ: „ди будетъ воля Твоя“, дабы всѣ, кои должны были обратиться чрезъ смерть Единороднаго, сдѣлались должниками Отца. Или сказалъ это потому, что во время тѣлесной смерти отдалъ тѣлу то, что принадлежало тѣлу. Ибо ясно, что всѣ скорби

¹⁾ Въ рядѣ нижеслѣдующихъ мыслей выясняется то, почему Христосъ молится такъ: не Моя, но Твоя воля да будетъ.

свидѣтельствовали о тѣлѣ Его, дабы видна была истинность его. По секты еретиковъ, видя все эти указанія на тѣло Его, не убѣдили себя въ немъ. Какъ алкалъ и жаждалъ, и утомился, и спалъ, такимъ же образомъ и боялся. Или потерпѣлъ это для того, чтобы людямъ земнымъ нельзя было говорить: безъ страданія и подвига изглажены Имъ вины наши. Или, чтобы научить учениковъ Своихъ, дабы они жизнь и смерть свою вручали Богу. Вѣдь, если Тотъ, Кто мудръ, ради познанія Бога колѣнопоклоненныи молился о томъ, чему надлежало быть, то тѣмъ болѣе должны невѣдующіе люди отдавать свою волю Всевѣдующему. Или, чтобы посредствомъ Своего страданія всѣявъ въ Своихъ учениковъ утѣшеніе, Онъ приспособился къ уму ихъ, дабы стать образцомъ для нихъ, и страхъ ихъ принять на Себя, дабы Своимъ примѣромъ показать имъ, что раньше смерти не слѣдуетъ дерзко тщеславиться смертию. Ибо если Тотъ, Кто не (могъ) бояться, убоился и просилъ объ освобожденіи, хотя зналъ, что это не возможно, то тѣмъ болѣе пусть они молятся предъ искушеніемъ, чтобы спастись отъ него во время искушенія. Или, послѣдствуя во время искушенія мысли наши обыкновенно разсѣваются и помысленія наши разбрасываются въ стороны, то Самъ молился, дабы научить насъ, что противъ ухищреній и козней зла нужна молитва и что многими молитвами должно собирать разсѣяныя мысли. Или, желая укрѣпить ихъ, боящихся смерти, показалъ, что и Онъ убоился ее, дабы научить, что страхъ не можетъ погубить ихъ, если не закоснѣютъ въ немъ. Это обозначали слова: „не Моя, Отче, но Твоя воля да будетъ“, то есть, Я умру, чтобы спасти многихъ. Или сдѣлалъ это для того, чтобы обмануть смерть. Или убоился

страданіи для того, чтобы смерть (не только) рѣшилась поглотить Его, но и поспѣшила изрыгнуть Его.

Для преодоленія смерти произошло все это, что въ Тебѣ, Господи, таилось противъ ее. Божество Твое не было доступно смерти и до тайнъ Твоихъ она не могла коснуться. Хотя имя Божества Твоего провозвѣщалось, однако тогда на время Ты какъ бы одеждою покрылъ его, потому что Ты прикрылъ Свое Божественное имя покровомъ имени человѣческаго. Ибо, у кого только на тѣлѣ оказывалось знаменіе перваго Адама, тѣло того становилось пищей смерти, а кто носитъ знаменіе втораго Адама, тотъ есть господинъ смерти и побѣдитель ея. Тотъ первый Адамъ вкушеніемъ разрушилъ свою волю, подчинивъ ее тѣлу, и ослабилъ и разрушилъ тѣло, такъ что оно стало пищей смерти, второй же (Адамъ) бодрой Своей волей укрѣпилъ тѣло, дабы удалить его отъ устъ смерти.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

„*Не какъ Моя воля, но какъ Твоя*“, — этими словами показалъ Себя противоположно Адаму, который отвергъ волю Творца своего и исполнилъ волю врага своего, и посему отданъ былъ устамъ противника своего. Господь же отвергъ волю плоти, дабы утвердить волю Творца плоти, зная, что всякое блаженство зависитъ отъ воли Отца Своего.

„*Не Моя воля да будетъ, но Твоя*“. Развѣ имѣлъ волю, противную волѣ Отца Своего? Но почему говорить: „*не Моя воля да будетъ, но Твоя*“. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „*Я не пришелъ творить волю Мою, но волю Того, Который послалъ Меня* (Іоан. 6, 38)“. Воля же Отца такова: „*изъ тѣхъ, кого далъ*

Мнѣ, Я не погублю никого (Іоан. 18, 9)⁴. Ясно, что воля Его иная. И Исаія говоритъ: „*Господь хотѣлъ смирить Его и поразить* (Ис. 53, 10)⁴. И еще говоритъ: „*потому что предалъ душу свою на смерть* (Ис. 53, 12)⁴, въ каковомъ мѣстѣ показываетъ, что такова была Его воля. Какъ же понять это? Вѣдь, показалъ двѣ воли, одну (волю) Господа, другую Свою, хотя, конечно, дѣйствіе (ихъ) одно. Но когда Господь хотѣлъ убѣдить Своихъ слушателей, что Онъ не находится въ насильственномъ подчиненіи какой-либо иной силѣ, то заблуждающимся казалось, что Онъ имѣетъ иную волю ¹⁾. Подобно сему, стоя при (гробѣ) Лазаря, сказалъ: „*благодарю Тебя за то, что Ты услышалъ Меня и слушаешь Меня, но ради народа сего дѣлаю (это), чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня* (Іоан. 11, 41. 42)⁴, именно, чтобы, услышавши о Немъ, узнали, что Онъ изъ Бога.

Тоже слѣдуетъ сказать о всѣхъ подобнаго рода изреченіяхъ Христа. Дабы показать, что Онъ изъ Отца, все это отдалъ и вмѣнилъ Отцу и ради чести Своего Отца Самъ явилъ Себя какъ бы нуждающимся въ этомъ хотя все содѣлалъ по Своей волѣ. Не существовало необходимости, которая принудила бы Господа снизойти до уничиженія, дабы постыжены были говорящіе, что Онъ побѣжденъ былъ силами мрака. Вѣдь, силы мрака кричали великимъ голосомъ и сказали: „*Ты—Сынъ Божій* (Мр. 3, 12)⁴, и умоляли Его, чтобы не посылалъ ихъ въ геенну. Какимъ (же) образомъ побѣдили Его тѣ, кои умоляли Его освободить ихъ отъ геенны?

„*И былъ потъ Его, какъ капли крови* (Лк. 22, 44)⁴.

¹⁾ Св. Ефремъ здѣсь показываетъ что Христосъ не имѣлъ волю, *противъ* воли Отца.

Вспотѣлъ, чтобы исцѣлить болящаго Адама. „*Въ потъ лица твоего, — говоритъ, — будешь ѣсть хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19)“. И въ саду молился, чтобы снова возвести Адама въ садъ.

И призвалъ васъ, — говоритъ, — бодрствовать со Мною, да не буду преданъ, поелику же нынѣ Я предаюсь, то „*счите прочее и почивайте* (Мѣ. 26, 45)“. Иуда начало царства (Быт. 49, 15) и Иуда истребитель царства. Когда Иуда коварнымъ поцѣлуемъ предавалъ Господа римлянамъ, то вмѣстѣ съ Нимъ передалъ римлянамъ и долгъ отмстить за Него.

Пришелъ нечестивый Иуда, чтобы исчерпать великую бездну (паденія) своего, и это Господь, показывая, что Онъ благъ и источникъ милосердія, кротко раскрылъ, говоря: „*Иуда, цѣлованіемъ-ли ты пришелъ предать Сына человеческого* (Ік. 22, 48)“? Симъ и научаетъ, что Сынъ Божій не могъ быть преданъ имъ. „*Для чего же ты пришелъ, другъ* (Мѣ. 26, 50)“? Вражду зоветъ дружбой. Господь обращаетъ къ нему лицо Свое, коварный ученикъ приступилъ къ Учителю истины, чтобы поцѣловать Его. Извлекъ изъ него духъ, который вдунулъ въ него, потому что не хотѣлъ, чтобы хищный волкъ продолжалъ оставаться среди овецъ Его. Ибо говорилъ: „*то, что имѣлъ, отнято отъ него* (Мѣ. 13, 11)“.

Господь сказалъ имъ: „*кого вы ищете* (Іоан. 18, 4)“?—такъ какъ, именно, они думали, что Онъ не можетъ освободиться отъ рукъ ихъ. „*Говорятъ Ему: Иисуса Назарянина. Сказалъ имъ Иисусъ: вотъ Я. Когда при этомъ Иуда стоялъ съ ними, они отступили назадъ и пали на землю* (Іоан. 18, 5, 6)“. Противъ воли преклонились предъ Нимъ, дабы узнать, что Онъ добровольно отдаетъ Себя въ руки ихъ. Но не устрашившись силы, которая повергла ихъ, они про-

стерли нечистыя руки и взяли своего Очистителя. Симонъ отсѣкъ одному изъ нихъ ухо, но милостивый Господь, по Своей благодати, взявъ его и снова укрѣпилъ на высокомъ его мѣстѣ въ подобіе чело-вѣка, который чрезъ свои преступленія палъ въ глубо-кую бездну. „*Возврати мечъ твой въ прежнее мѣсто его* (Мѡ. 26, 52)“. Не нуждается въ мечѣ Тотъ, слово Котораго есть мечъ, и Кто отсѣченное ухо возвра-тилъ на свое мѣсто, Тотъ могъ развязать и связан-ные члены. Но чтобы не на одномъ только изъ нихъ показать силу Своего всемогущества, проявилъ ее и на прочихъ, когда они отступили назадъ и пали на землю. И чтобы воспользовался милостью не одинъ только тотъ, которому исцѣлилъ ухо, всѣхъ, кои держали Его, оградилъ милостью, дабы знали, Кого взять пришли они. Вѣдь, только по милости Того, Кто изъ милости возвратилъ исцѣленное ухо на свое мѣсто, могли подняться тѣ, кои распро-стерты были на землѣ. Но какъ только показалъ нѣчто отъ Своего могущества, снова лежали про-стертыми всѣ тѣ, кои пришли съ намѣреніемъ взять Его. Въ таинственномъ же смыслѣ Симонъ извлекъ мечъ для того, чтобы подтвердилось слово Моисея: „*всякая душа, которая не послушаетъ того пророка, умретъ смертью* (Вт. 18, 19)“. Поелику же Господь былъ концомъ правды и началомъ милосердія, то заключилъ мечъ его въ ножны и правду возвратилъ въ мѣсто свое и въ милосердіи приступилъ къ исцѣленію раны, причиненной мечемъ. Ухо восстано-вилъ на свое мѣсто, ибо недостатокъ правды вос-полнилъ дѣлами милосердія. Однако тотъ, ухо кото-раго было исцѣлено, вмѣсто любви ненавистью за-платилъ за свое исцѣленіе. Также и тѣ, кои про-стертыми пали на землю и подняты были силою Его.

узами воздали Ему за полученную помощь. „*Связали, — говоритъ, — Его и повели* (Іоан. 18, 12. 13)“.

Князь учениковъ ¹⁾ подпалъ пораженію и искушенію, дабы стать врачомъ раненыхъ. И такъ какъ преступники, пожалуй, могутъ стыдиться совершать покаяніе, то Господь посредствомъ Симона преступника побудилъ ихъ обращаться къ Нему, Который выше всѣхъ преступниковъ. Ночью отвергся Симонъ, а днемъ исповѣдалъ (ср. Іоан. 21, 4—10). У огня отвергся (Іоан. 18, 18), у огня и исповѣдался. Гдѣ отвергся, (тамъ) земля была свидѣтелемъ; гдѣ исповѣдался, (тамъ) море и земля, сообразно природѣ своей, явились свидѣтелями. Поелику языкомъ своимъ отступилъ и отвергся, то самъ себя подвергъ игу и мышцы свои отдалъ кресту, такъ что униженно просилъ, чтобы распяли его головой, обращенной внизъ.

„*Отнынѣ узрите вы Сыны человеческого, что Онъ идетъ въ облакахъ свѣтлыхъ съ ангелами небесными. Тогда первосвященникъ коснулся рукой краевъ одежды и разодралъ верхнее одѣяніе свое* (Мѡ. 26, 64. 65)“, потому что оно раздавливалось силою новаго вина (ср. Мѡ. 9, 17). Но скажемъ и то, что все, что Богъ хотѣлъ содѣлать чрезъ Единороднаго Своего, Онъ предназначалъ въ твореніяхъ и кромѣ того предызобразилъ на праведникахъ Своихъ. Въ мѣсяцѣ Арехъ ²⁾ цвѣты прорываютъ нѣдра свои и выходятъ наружу, и оставивши нѣдра свои обнаженными и пустыми, сами становятся вѣнцомъ другихъ. Точно также въ мѣсяцѣ Арехъ первосвященникъ разрушилъ священство свое и оставилъ его обнаженнымъ и пустымъ, и священство перешло и остановилось на Спасителѣ

¹⁾ Т. е. Симонъ Петръ.

²⁾ Т. е. въ Марѣѣ

нашемъ. Христосъ заставилъ молчать уста ихъ, но они возбудили противъ него шумъ и смятеніе свидѣтелей. Господь заговорилъ, потому что спрашивали Его, и сдѣлалъ такъ, что одежды ихъ разодрались. „И взяли и повели Его на судилище, и отдали въ руки Пилата, и сами не вошли внутрь двора, чтобы не оскверниться, (но) чтобы сперва съѣсть аинца въ святости (Іоан. 18, 28)“. О фарисеи! вотъ вы слышали: „вотъ Агнецъ Божій, Онъ Своимъ закланіемъ беретъ на Себя грѣхи міра (Іоан. 1, 29)“; итакъ, почему было необходимо (для васъ) въ тотъ же день, когда закалался агнецъ вашего спасенія, приносить въ жертву также и агнца нашего спасенія?

Господь сдѣлался защитникомъ истины, и пришелъ и молчалъ предъ Пилатомъ, потому что Истина подвергалась насилію. Какъ другіе путемъ защиты получаютъ побѣду, такъ Господь посредствомъ молчанія Своего вышелъ побѣдителемъ, потому что данью, коей заслуживало Его Божественное молчаніе, была побѣда истиннаго ученія. Предлагая ученіе, говорилъ, на судъ (же) молчалъ. Не молчалъ о томъ, чѣмъ возвеличивалъ насъ, и не боролся противъ тѣхъ, кои оскорбляли. Слова клеветниковъ Его покунались, какъ вѣнецъ на главу Его. Молчалъ, дабы при Его молчаніи они сильнѣе кричали и отъ всѣхъ этихъ криковъ вѣнецъ Его становился болѣе украшеннымъ. Вѣдь, если-бы заговорилъ, то Своею истиной заставилъ бы умолкнуть то сборище, которое трудилось надъ изготовленіемъ Ему вѣнца. Осудили Его, ибо Онъ говорилъ истину, но Онъ не былъ осужденъ, потому что осужденіе стало побѣдой Его. Итакъ, ничто не вынуждало Его отвѣчать имъ посредствомъ убѣжденія ихъ ¹⁾. Онъ Самъ хотѣлъ

¹⁾ Т. е. въ правогъ Своей.

умереть, и отвѣты были бы пренятствіемъ къ смерти Его. Молчалъ, ибо если бы заговорилъ, то лживость (ихъ) не могла бы устоять предъ истиной Его. „*Возьми Его отъ насъ, возьми отъ насъ* (Іоан. 19, 15)“, — кричали они Пилату. Онъ же, отклоняя (это) два и три раза, сдѣлался пророкомъ царства Господа, говоря: „*царя-ли вашего распну я* (Іоан. 19, 15)?“ Таинство крови, коею окроплялись двери ихъ, отвратило отъ нихъ смертоноснаго ангела и губителя. Къ сему же истинному агнцу они обратили свои богохульства и, отвергнуши его, потребовали себѣ Варраву челоуѣкоубійцу.

Поелику одѣли Господа въ пурпуровую одежду, то Онъ воспринялъ царство Израиля. Когда же снова разоблачили Его, то (черезъ это) Онъ сдѣлалъ яснымъ, что оставляетъ имъ смерть. Далѣе, одѣли Его въ пурпуръ, потому что какъ за податъ клеветали на Него, говоря: „*сей запрещаетъ давать подати Кесарю* (Лк. 23, 2)“, такъ и по причинѣ пурпура хотѣли умертвить Его, говоря: „*вотъ, Онъ присвоиваетъ Себѣ царство*“. Такъ какъ готовили Ему смерть, то (въ этихъ словахъ) пророчествовали подобно Каіафѣ. И съ „*вѣнцомъ изъ теріемъ*“, устроеннымъ на посмѣяніе Его, случилось противоположное и ихъ невѣріе обращено было во благо, то есть, тѣмъ, что посредствомъ его (вѣнца) побѣжденъ былъ врагъ, ибо вѣнцомъ Своимъ Господь уничтожилъ проклятія перваго Адама: „*тернія и волчцы произраститъ тебѣ* (Быг. 3, 13)“. „*И плесали на лицо Его* (Мѣ. 27, 30)“, который вдунулъ имъ Духа Святаго. „*Дали трость въ руку Его* (Мѣ. 27, 29)“, ибо Господь былъ жезломъ, поддерживающимъ міръ, который состарѣлся и опирался на Него. И какъ тростью скрѣпляются и становятся неизмѣнными приговоры

судей, такъ и Господь тростью написалъ (свой приговоръ) и извергъ ихъ изъ дома Своего.

„Когда Иуда увидѣлъ, что Господь осужденъ, то, охваченный скорбью, пошелъ и возвратилъ тридцать серебряниковъ священникамъ и говоритъ: согрѣшилъ я, предавъ кровь праведную. Говорятъ ему: что намъ до того, смотри самъ. И бросилъ серебро въ храмъ и пошелъ и повѣсилъ, и умеръ (Мѡ. 27, 3 - 5)“. Ушелъ Иуда, дабы стать вѣстникомъ тѣхъ заблужденій, какимъ послѣдовалъ. Онъ такъ размышлялъ въ себѣ: „освобожусь отъ множества порицаній и скроюсь отъ беззавѣрія“, и такимъ образомъ, отбросивши удила, какъ будто бы ему ничего не оставалось по переходѣ изъ этого міра, онъ накинулъ на себя петлю и умеръ. И дабы милосердіе не пострадало въ наказаніи его, не нашлось никого изъ сыновъ мира и истины, кто убилъ бы его, но самъ повѣсилъ себя на веревкѣ, чтобы показать, что и въ послѣдній день злоба человѣческая такимъ же образомъ погубитъ и истребитъ сама себя. Итакъ, кто отметить за кровь Того, который пришелъ въ подобіи чловѣка, если не тотъ, кто облекнись подобіемъ чловѣка ¹⁾ предалъ Его, не потому что могъ побѣдить Его и предать, но потому что Онъ Самъ восхотѣлъ предать Себя? И Господь отнюдь не умерщвлялъ злобы, но хотѣлъ, чтобы она сама погубила себя своими дѣлами. Итакъ, діаволь умертвилъ безсмертнаго, облекшагося чловѣческимъ видомъ, и заслужилъ возмездіе Божіе, дабы чрезъ возмездіе Божіе погибъ и умерщвленъ былъ тотъ, кто назывался богомъ ²⁾. Пускающій стрѣлу въ непріятеля ломаетъ стрѣлу и лукъ бросаетъ въ огонь, когда она (стрѣла),

¹⁾ Т. е. діаволь, вошедшій въ Иуду.

²⁾ Т. е. діаволь, почитаемый за бога въ идолахъ.

будучи отражена, побиваетъ того, кто пустилъ ее. Такъ и сатана, видя, что смерть Сына стала побѣдой міра и Его крестъ освободителемъ твари, вошелъ въ Іуду, сосудъ свой, и онъ пошелъ и повѣсилъ на веревкѣ. А что „разсплосъ чрево его (Дѣян. 1, 18)“, то это указываетъ на того, кто поддерживалъ Іуду, когда онъ надѣвалъ на себя веревку. И какъ разорвалась веревка, такъ и онъ упалъ и переломился пополамъ. Иные говорятъ, что Іуда закрылъ двери (дома) и заперъ (ихъ) изнутри, и пока онъ подвергался гніенію и чрево его разсѣлось, никто не могъ открыть двери дома, чтобы видѣть находящееся внутри (его).

„Недозволительно принять серебро это въ сокровищницу (Мѡ. 27, 6)“. Убоялись изреченія Писанія и хотѣли воспрепятствовать его исполненію. Однако, серебро, коль скоро оно принесено въ храмъ, уже чрезъ это дѣлалось священнымъ. „И что купили на него мѣсто погребенія (Мѡ. 27, 7)“, то это хорошо случилось, такъ какъ дѣлали это ради Бога ¹⁾; ибо въ этомъ было великое таинство. Если это серебро они дали изъ святилища, то почему нельзя было принять его назадъ въ ту же сокровищницу? Почему не дозвоительно было присоединять эти деньги къ тѣмъ деньгамъ, откуда дали? Если же не отсюда ихъ дали, то могли бы сказать это ясно. И неужели же это серебро было болѣе не чисто, чѣмъ другое серебро? Развѣ оно было болѣе нечисто, чѣмъ мечъ Гошіафа, который обвернутый полотномъ былъ положенъ съ боку алтаря, чѣмъ золото египтянъ (Ис. 11, 2), чѣмъ золото, которое Давидъ отнялъ у всѣхъ царствъ и посвятилъ Богу, чѣмъ тотъ вѣнецъ съ

¹⁾ Т. е. чтобы исполнилось пророчество Писанія

жемчужинами, какой онъ возложилъ на голову свою и въ духѣ воспѣлъ (Ис. 20, 4), чѣмъ тѣ клятвенные дары, принесенные Филистимлянами, которые тамъ же были (положены) на вѣки? Развѣ и Навуходносоръ не отнялъ всѣ богослужебные сосуды и не положилъ ихъ въ храмъ боговъ своихъ? Даже и ковчегъ завѣта (Филистимляне) внесли въ домъ Дагона. Кто можетъ нечистое сдѣлать святымъ и освященнымъ? А если по той причинѣ кушили поле на это серебро, что Онъ Самъ Себя сдѣлалъ Богомъ, то надлежало покрыть имъ алтарь. Однако не это было у нихъ на сердцѣ, но хотѣли воспрепятствовать исполненію пророчества.

„И когда Онъ поднялъ на Себя древо креста и пошелъ, то они встрѣтили и взяли нѣкоего мужа Киринянина“, то есть, изъ язычниковъ „и возложили на него древо креста (Лк. 23, 26)“. Хорошо, что сами по своей волѣ отдали древо креста язычникамъ, потому что бунтовщически отвергли пришествіе, приносящее всѣ блага. Это отвергнутое изъ зависти пришествіе они передали язычникамъ. Изъ зависти отвергли Его и къ зависти ихъ Онъ принять былъ язычниками, и Самъ воспринялъ ихъ, чтобы посредствомъ принявшихъ Его (язычниковъ) вложить зависть въ души тѣхъ, кои отвергли Его. А что Самъ несъ древо креста Своего, то это ясно обозначаетъ побѣду Его. И что не по принужденію другихъ веденъ былъ на смерть, о томъ засвидѣтельствовалъ слѣдующими словами: „власть имѣю надъ душой Своей отдать и снова принять (Іоан. 10, 18)“. А что нѣкто иной понесъ крестъ у Него, то это произошло для того, чтобы ясно было, что Тотъ, въ Комъ не оказалось грѣха, взошелъ на крестъ ради людей, которые извергли Его изъ среды своей.

„Если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлаютъ (Лк. 23, 31)“. Посредствомъ (этого) сравненія Господь назвалъ Божество Свое зеленѣющимъ деревомъ, а тѣхъ, кои приняли дары Его сухимъ, деревомъ. Кромѣ того сказалъ: „зеленѣющее дерево“, потому что приносить плоды, какъ говоритъ въ другомъ мѣствъ: „за какое изъ Моихъ благихъ дѣлъ вы побиваете Меня камнями (Іоан. 10, 32)“? И если такое терплю Я, въ Коемъ вы не нашли грѣха, въ которомъ вы имѣли бы предлогъ погубить Меня: ибо „кто изъ васъ обличитъ Меня въ грѣхъ (Іоан. 8, 46)“?—то насколько большее потерпите вы? Или, сказалъ: „зеленѣющее дерево“, потому что сотворилъ чудеса, а „сухимъ деревомъ“ называетъ праведниковъ, кои не сотворили чудесныхъ дѣлъ. Еще, если они настолько возненавидѣли и погубили зеленѣющее дерево, плоды коего ѣли и листьями коего услаждались, то что сдѣлаютъ съ сухимъ деревомъ, которое не (дало) ростковъ и не раскрыло почекъ своихъ, то есть, съ простыми праведниками, не сдѣлавшими знаменій?

Когда возвели Его на крестъ, то распяли съ Нимъ еще двухъ разбойниковъ, „чтобы исполнилось сказанное: къ беззаконнымъ былъ причтенъ (Мр. 15, 28)“. Одинъ (изъ нихъ), хотя мы и не знаемъ, былъ онъ обрѣзанъ или нѣтъ, словами своими оказался подобенъ обрѣзанному: другой же, хотя мы (тоже) не знаемъ, былъ онъ необрѣзанный или нѣтъ, словами своими уподобился необрѣзанному. Одинъ сказалъ: „если Ты Христосъ (Лк. 23, 39)“, то есть, Царь, согласно словамъ обрѣзанныхъ распинателей: другой же сказалъ: „помяни меня въ царствіи Твоемъ (Лк. 23, 42)“, подобно тому, какъ написали необрѣзанные: „это Христосъ, Царь Іудейскій (Мр. 15, 26)“. Необрѣзанные исповѣдали, что Христосъ есть